

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Юрий НАГИБИН:

СБЛИЗИТЬСЯ С ВРЕМЕНЕМ!

ВМЕСТЕ с московскими архитекторами наш корреспондент встретился с писателем. И, понятно, этот разговор шел не только о Москве, об архитектуре, но и о времени, о месте писателя в обществе... Во многом, о чем говорил Нагибин, казалось, рядом присутствуют его герои, его книги. Не случайно мы и им дали слово в этом интервью.

— Назовите, пожалуйста, ваш любимый московский адрес!

— Чистые пруды и все вокруг них. Это настоящая Москва, отсюда она развивалась. Храм Стратилата, Меншикова башня, дом-сундук Голицына... От этого района все-таки многое осталось. Люблю Замоскворечье, арбатские переулочки, хотя они мало уцелели. И все-таки ничто не сравнится с Чистыми прудами.

«Чистые пруды... Для иных это просто улица, бульвар, пруд, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено мое детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна. Было время, я знал там каждую скамейку, каждое дерево, каждый куст крапивы возле старой лодочной станции. ...Чистые пруды — столбовая дорога нашего детства. Я был гражданином двора, улицы, Москвы».

— Вы немало написали о москвичах — друзьях своего детства, с которыми вас свела школа в конце 20-х годов. Какова судьба этой дружбы?

— Мы продолжаем встречаться, хотя с каждым годом это все труднее. Нас становится меньше. Друзья уходят. Я написал сценарий о нас, о нашей компании детства — он для меня как прощальное объятие со многими из друзей... Мы встречаемся, и я в последнее время нередко, глядя на однокашников, задумываюсь: не слишком ли часто списывают у нас специалистов, опыту которых нет цены? Да, немало дряхлых, неспособных людей занимали в недавнем прошлом важнейшие посты. Но надо ли всех стричь под одну гребенку? Молодость отнюдь не гарантия порядочности и добросовестности. Тело молодое, а душа сгнила — бывает и такое.

— Может быть, что-то подобное происходит и со старым городом: сносятся то, чему еще стоит и стоять, а на месте снесенного появляется невыразительное, безвкусное!

«Та часть дома, где стояло наше крыльцо, где на третьем этаже находилась наша квартира, было пустое место. И, глядя в чудовищный проем, я вдруг усомнился, что на этом месте действительно творилась моя лучшая жизнь... Я стоял, смотрел в синюю пустоту, в которой навсегда сгинуло мое детство и отрочество, и так же пусто было у меня на душе».

...Мы во многом виноваты перед своим городом. Снесли Сухареву башню, Красные ворота и многое, многое другое».

— Сейчас приходится сражаться за дом на Большой Садовой, который описал и где жил Булгаков. Ведь не уберечь же здание на улице Фурманова. Михаил Афанасьевич прожил в нем двадцать лет! А здесь же были квартиры Ильфа, Петрова, Кирсанова, Мандельштама, Всеволода Иванова... Снесли. Что на этом месте? Какая-то коробка торчит торчком. Вот сейчас часть Симонова монастыря оказалась на территории завода «Динамо», рядом хотят ставить новый цех. Поставят — церковь сползет... Кому это выгодно? Почему памятник и цех обязательно должны быть соседями, ведь возможен другой вариант. Те, у кого душа болит, знаю, пишут, пишут письма. Но все написанное вязнет в ведомствах, в бесконечной сети виз. Знаете, мне кажется, я в свое время ускорил снос некоторых исторических зданий, написав, что они близки к уничтожению. Парадокс! Меня занимает, почему вопрос сносить или оставить часто решают люди, которым, кажется, старина противна. Снос — это что, самоутверждение?

Вот ведь не дали ленинградцы изуродовать свой город. Значит, можно? Задумаешься, не связано ли пренебрежение к старине с тем, что многие люди плохо знают историю.

В Москве живут около двух тысяч писателей. Наверное, никто и никогда не будет присуждать им титул «самый московский из московских литераторов», но, предполагаю, если бы такое звание учредили, его получил бы Юрий НАГИБИН. Может быть, первым из больших писателей поднял Нагибин свой голос против бездумного разрушения и перестроек столицы. «Городские пустыри рожают пустыри памяти», — говорил он.

Зима на Чистопрудном бульваре.

Фото Андрея КНЯЗЕВА и Сергея ПОДЛЕСНОВА.

Я отношу сюда даже поколение пятидесятлетних.

— Неужели, Юрий Маркович, вам не нравятся все московские новостройки! Можете из них что-то выделить все-таки!

«Надо помнить, когда заходит речь о смелых нововведениях: то, что кажется неприемлемым сегодня, завтра может стать естественным, как дыхание. Но случается и другое... Я с болью чувствовал, что совсем не знаю эту новую Москву и даже боюсь ее. Боюсь, что она стала совсем другой, и мне не уловить знакомых родных черт и не связать настоящего с прошлым. Меня равно не устраивало в отношениях с Москвой ни холодное восхищение постороннего наблюдателя, ни брюзжание пронафталиненного старожила, цепляющегося за уходящую привычку. Мои дела с Москвой всегда были горячи. Вот тогда я и принялся писать свои московские рассказовые циклы, думая прийти к Москве из дали воспоминаний».

— Мне трудно вспомнить... Нет, не идет на память ни одна новостройка. Не дрожит душа от восторга. Зато дрожит, когда вспоминаю, что убрали. Не создается, на мой взгляд, новой Москвы. Кстати, новый Рим тоже не получился. Когда бразильцы, к примеру, строят совсем новые города — это вовсе другое дело.

Проблема еще и в том, как мы умеем пользоваться лучшим, что дает новое строительство. Скажем, широкими улицами, проспектами, площадями. Я недавно вернулся из поездки в Италию. Искал в Милане — там машин не меньше, чем в Москве, — где же автоинспекторы? Оказалось, их почти нет, редко появляются в часы пик. Но ничего страшного не происходит, а аварий, по-моему, неизмеримо меньше.

Тем не менее улицы там куда уже. У нас просторнее, но сколько запретов, знаков! Сегодня можно ехать в один ряд, завтра — в два, послезавтра вообще нельзя. Меняют знаки, хронически не доверяют водителям... В Венгрии, если ты даже проехал на желтый, никто тебя не остановит — зачем терять время. У нас же мучительные и порой унижительные объяснения, штрафы через сберкасса... Нет, правильно говорят: чрезмерный порядок хуже хаоса.

— Вам не кажется, что в восстановлении исторического облика города, в ремонте старых зданий и реставрации памятников мы иногда слишком уповаем на «чужого дядю», на мистанцизм, на всех, одним словом, кроме себя!

— Когда-то я ошибся, подумав, что москвичи стали равнодушны к своему городу. И это прекрасная ошибка. На выступления в защиту Москвы я получил грандиозный отклик. Москву любят не только

москвичи, это наш общий город. Тем важнее понять, что же с ней все-таки происходило? Вот сейчас вернули несколько старых названий улицам. Но почему лишь несколько? А остальные? Говорят, трудно возвращать названия — нужно вешать новые таблички, печатать новые справочники. Так почему же с такой легкостью переименовывали, тогда ведь тоже нужны были другие справочники и таблички. Не может быть мнение одного лица достаточным для того, чтобы снести, переименовать. В конце концов есть народ, прошедший через войну, через чрезвычайные тяжести и страдания, пора ему верить, а не уверять, что все (в том числе и переименования) делается для его блага.

А реставрация — вопрос особый, больной. Как широко и бережно обновляют памятники итальянцы! Аппаратура, специалисты, аккуратность. У нас же реставраторы, говорят, уходят на другую работу. Значит, нет главного — материальной заинтересованности. Я ездил в Каргополь. Там буквально стон по реставрации. Ставят леса и ждут, пока они сопреют. Серьезные люди сказали: «У нас и десять лет назад леса стояли на том же месте».

— «О Москве с надеждой и тревогой» — этот документальный фильм, в котором вы участвовали, я бы сказал, вызвал высокую волну патриотического чувства к Москве, заставил действовать тех, кто хочет сохранить ее лицо. Продолжаете ли вы эту работу? И вообще, чем заняты?

— Я сейчас почти не занимаюсь беллетристической. Нужнее перо публициста. Оно настигает время, а то и опережает его. Так жить сейчас важнее в той ломке, которая идет в обществе. Начался отсчет нового исторического времени. Сблизиться с ним! Что это значит для меня? Писать о том, что мне известно, о чем вправе говорить. О Москве, которая, откровенно, оказалась в скверном состоянии. Об издательском деле. Работать на телевидении.

Сейчас время сдвигов и в литературе. Началась борьба со «вздоргом испуга» — к нам возвращаются Гумилев, Ходасевич, Набоков.

Ускорение в обществе идет нелегко. Тем важнее быть ему полезным не где-нибудь, а здесь — за своим рабочим столом, в своем родном городе.

«Как Народ начинается с матери, так Родина начинается с малой родины: квартиры, дома, двора, улицы, деревни или города. Чувство к этой малой родине очень многое определяет в твоей последующей жизни, из него вытекает любовь к Большой Родине, оно — источник патриотизма. Моя малая родина очень значительна, ибо я коренной москвич. И вот об этом, бесконечно дорогим и важным, мне хочется говорить в первую очередь: о моей — и одновременно всеобщей — Великой малой родине — Москве».

Беседу записал
Виктор ЛОШАК.